РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-6-24

СУБЪЕКТНОСТЬ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА: СРАВНЕНИЕ ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В КОНТЕНТЕ

Воронин А. Н., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13., Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена оценке сетевого сообщества как коллективного субъекта. Представлена процедура выявления дискурсивных маркеров субъектности различных уровней (лексический, семантический, контент-аналитические шкалы и т. д.). Описана структура субъектности сетевого сообщества, реконструированная на основе имплицитных представлений экспертов. Компоненты субъектности сетевых сообществ (обсуждение совместной деятельности, позитивная поддержка коммуникации, групповые нормы и ценности, «свои – чужие», гражданская идентичность) соотнесены с экспертной оценкой сообществ. Сопоставлены 4 модели взаимосвязи дискурсивных маркеров и конструкта «субъектность»: аддитивно-кумулятивная, кумулятивно-аддитивная с винзорированным усреднением, кумулятивно-аддитивная с усреднением Тьюки и простая аддитивная. Выявлен приоритет робастных моделей и показано, что для исследованных сетевых сообществ наиболее адекватной представляется аддитивно-кумулятивная модель с винзорированным усреднением.

Ключевые слова: сетевое сообщество, дискурс, коллективный субъект, субъектность сообщества, дискурсивные маркеры, психометрическая модель

THE SUBJECTNESS OF THE NETWORK COMMUNITY: COMPARISON OF PSYCHOMETRIC MODELS OF THE DISCURSIVE MARKERS MANIFESTATION IN CONTENT

A. Voronin, T. Grebenshikova, T. Kubrak, N. Pavlova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

13, Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russia

© СС ВУ Воронин А. Н., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д., 2019.

Abstract. The article is devoted to assessing the network community as a collective subject. A procedure for identifying discursive markers of subjectness at various levels (lexical, semantic, content-analytical scales, etc.) is presented. The subjective structure of the network community reconstructed on the basis of implicit expert submissions is described. The components of the subjectness of network communities (discussion of joint activities, positive support for communication, group norms and values, “friends – others”, civic identity) are correlated with expert assessment of communities. 4 models of the relationship between discursive markers and the “subjectness” construct are compared: additive-cumulative, cumulative-additive with winsorized mean, cumulative-additive with Tukey averaging, and simple additive. The priority of robust models is revealed and it is shown that for the studied network communities the additive-cumulative model with winsorized mean seems to be the most adequate.

Keywords: Internet (network) community, discourse, community subject, subjectness, discursive markers, psychometric model

Введение

Существует несколько подходов к изучению субъектности сообществ, в каждом из которых выделяется ключевое понятие подхода в целом: «совокупный субъект» [13, с. 215; 10, с. 214], «групповой субъект» [3, с. 87; 5, с. 65], «субъект совместной деятельности» [3, с. 255; 16, с. 45], «коллективный субъект» [9, с. 134; 5, с. 213], «поли-субъект» [1, с. 87; 4; 16] и др. Наиболее полно феномен субъектности на уровне социальных групп раскрывается через анализ коллективного субъекта и такие его атрибуты, как совместная активность, взаимосвязанность, взаимозависимость, рефлексия [8, с. 117]. Именно свойства коллективного субъекта, которые могут иметь разный уровень развития, позволяют раскрыть механизмы формирования и функционирования сетевого сообщества как группы людей, взаимодействующих в дискурсивном пространстве социальных медиа, объединённых особыми связями и отношениями и способных к проявлению совместных форм активности и саморефлексии. Основопологающей характеристикой любого сообщества является комму-

никация, и дискурсивная парадигма исследования, предусматривающая изучение реальной коммуникативной практики в различных ситуациях и социокультурных контекстах [14, с. 68; 15, с. 7; 18, с. 40; 7, с. 135; 29, р. 73; 36, р. 98; 30; 35], в этой связи представляется наиболее адекватной.

Для дискурса сетевых сообществ характерна перманентная публичность, соединённая с интенцией осуществить выгодную самопрезентацию, при этом анонимное участие в групповом общении порождает повышенную вербальную агрессию [37, р. 464; 38, р. 20]. На материале новостных сайтов показано, что вовлечённость реальных персон в онлайн-общение оказывает более сильное влияние на комментарии, чем участие неперсонализированных представителей службы новостей под логотипом сайта: уровень вежливости и стремление к объективности в суждениях повышаются [41, р. 190]. Подчёркивается, что форумы, где участники следуют нормам кооперативного вежливого общения, отличаются большей содержательностью, в этих условиях демонстрируются рост знаний, сближение противоположных

взглядов, уменьшение разрыва между установками и поведением [23, р. 75; 25, р. 289]. Показано, что некоторые темы «притягивают» комментарии того или иного качества: проблемы здоровья (здравоохранения) и преступности значимо чаще вызывают конкретные вопросы, направленные на поиск информации / оценку мнения, а вокруг темы образования возникает больше релевантных и вежливых комментариев. Темы же экономической тематики вызывают больший рост необоснованных комментариев и оценок [41, р. 199].

Предполагается, что в интернет-среде проявляются общие социально-психологические эффекты, ранее выделенные в процессе непосредственного внутригруппового взаимодействия [17, с. 98]: поляризация суждений, когда участники интернет-коммуникации стремятся искать подтверждение своим взглядам [22, р. 373], трансляция лидером норм поведения для своей группы [32, р. 10], SIDE-феномен, описание которого связано с именем С. Московичи (social identity deindividuation effects), согласно которому поведение личности обусловлено нормами, соответствующими идентичности, актуализированной в данном контексте [34, р. 690; 40, р. 16]. Было показано, что интернет-контент воспроизводит существующие этические нормы и правила его создателей, отражает традиционные установки и предпочтения данного общества [39, р. 50]. Получают освещение некоторые специфические феномены: флейминг – намеренное нарушение норм общения в интернете с целью вызвать негативную реакцию [33, р. 70], кибербуллинг – травля, распространённая

в среде подростков [31, р. 265] и др. Предпринимаются попытки описать и разработать условия для реализации норм кооперативного вежливого общения [28, р. 1160; 37, р. 465]. Было показано, что по сравнению с анонимной нерегулируемой коммуникацией наличие таких условий, как обязательная неанонимность, а также премодерация сообщений, способствует реализации норм вежливости и взаимоуважения [37, р. 480; 38, р. 30].

Исследование дискурса сетевых сообществ связано с изучением реальной коммуникативной практики в разных условиях и социальных взаимодействиях. В рамках дискурс-анализа изучены практики, с помощью которых структурируются социальные и индивидуальные представления говорящих [24, р. 75; 36, р. 115; 29, р. 35], оказывается воздействие и реализуется власть [6, с. 85; 20, с. 215; 42, р. 35; 19], организуется диалогическое взаимодействие собеседников и общение с аудиторией [12, с. 95; 2, с. 215; 11, с. 167].

Продвижение в этом направлении предполагает разработку подхода к эмпирическому изучению сетевых сообществ, сочетающему социально-психологические и психолингвистические методы. Поскольку механизмы формирования и функционирования сетевого сообщества как группы людей, взаимодействующих в дискурсивном пространстве интернета, наиболее полно раскрываются через анализ феномена коллективной субъектности [8, с. 121], ставилась задача выявления дискурсивных маркеров сообществ, релевантных различным формам субъектности группы: взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способность группы про-

являть различные формы совместной активности, групповая саморефлексия. Поскольку социально-психологический статус сетевого сообщества не установлен, названные компоненты субъектности можно рассматривать лишь как ориентиры.

Согласно основной гипотезе исследования различные формы субъектности группы проявляются в дискурсе сетевого сообщества, конституирующем сообщество, опосредующем взаимодействие его членов, транслирующем представления о мире, ценности, отношения, установки и задающем модели поведения. Выявление и верификацию особенностей дискурса сетевых сообществ, релевантных различным формам субъектности, предполагается осуществить путём выявления отдельных дискурсивных маркеров различного уровня (лексических, семантических, контент-аналитических шкал и пр.) в качестве индикаторов субъектности.

Цель – определить структуру субъектности сетевого сообщества по дискурсивным маркерам и сопоставить разные модели взаимосвязи дискурсивных маркеров и конструкта «субъектность».

Методы. Выявление дискурсивных характеристик психолингвистического анализа корпуса текстов сетевых осуществлялось 4 экспертами-психолингвистами с помощью психолингвистического анализа корпуса текстов 2 сетевых сообществ: оппозиционного политического форума¹ – жанр поли-

тических обсуждений единомышленников (оппозиция); форум автовладельцев Ford² – жанр запроса совета, мнения сообщества. Обсуждение и согласование способов выявления и кодировки осуществлялись в ходе 5 экспертных сессий, проведённых с использованием метода обоснованной теории [26, р. 74; 27, р. 230].

Для определения имплицитной структуры субъектности сетевых сообществ, проявляющейся в дискурсе, было проведено субъективное шкалирование выявленных дискурсивных маркеров по шкалам субъектности [8, с. 142], использующимся для оценки субъектности различных оффлайн коллективных субъектов. В процедуре участвовали 6 психологов, специализирующихся на психологии субъектности. Данные протоколов экспертной оценки после проверки согласованности и устранения явно отклоняющихся данных были усреднены и подвергнуты кластерному анализу.

Была проведена оценка субъектности 6 сетевых сообществ: 1) группа «Синие ведёрки» FB³, площадка для обсуждения проблем равноправия и нарушения прав граждан на российских дорогах; 2) оппозиционный политический форум⁴; 3) форум автовладельцев Ford; 4) сообщество с лидером на странице FB журналиста и кинокритика

¹ Оппозиционный политический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://politota.d3.ru/sapozhnik-bez-sapog-upd-1682202/?sorting=rating> (дата обращения: 07.11.2018).

² Форум автовладельцев Ford [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.auto.ru/mark/ford/1574251> (дата обращения: 27.02.2019).

³ Синие ведёрки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/bluebuckets> (дата обращения: 24.02.2019).

⁴ Оппозиционный политический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://politota.d3.ru/sapozhnik-bez-sapog-upd-1682202/?sorting=rating> (дата обращения: 07.11.2018).

А. Долина¹; 5) групповой чат в Telegramm «Прогрессоры»², посвящённый отношениям между людьми и личностному росту; 6) группа в VK «Страдающее Средневековье»³, площадка для обсуждения «боли, страдания и унижения в Средневековом мире и современной России». Тексты сетевых сообществ размечались 4 экспертами-психолингвистами путём выделения дискурсивных маркеров. Субъектность рассчитывалась в соответствии с 2 моделями связи маркеров и конструкторов: аддитивной и кумулятивно-аддитивной. Было осуществлено сравнение моделей по их дискриминативности. Субъектность, рассчитанная по дискурсивным маркерам, была сопоставлена с субъектностью, рассчитанной на основе экспертной оценки.

Результаты и их обсуждение

1. Дискурсивные маркеры субъектности сетевых сообществ

Психолингвистический анализ дискурса сетевых сообществ позволил выделить 76 маркеров субъектности, таких как «императивные высказывания, включающие в сферу действия говорящего», «указания на численность членов группы», «приоритетные и запретные темы для обсуждения», «оценочные суждения по поводу общения в сетевом сообществе», «употребление лексики с семантикой обобщения и генерализации», «призывы к действию»,

«номинацииokkaзионального выбора», «декларируемое принятие ролей». На первоначальном этапе анализа выявлялись дискурсивные маркеры различного уровня (лексические, семантические, контент-аналитических шкал и др.), упорядочивающие «эмпирическую субстанцию дискурса субъектности» и дифференцирующие её от фрагментов текста, не презентующих субъектности. В ходе 5 экспертных сессий проводилось первичное кодирование, определялись субстантивные и теоретические коды. Предварительно выделенные дискурсивные маркеры субъектности сетевых сообществ были скорректированы и сгруппированы в 7 блоков: 1) взаимосвязанность участников сетевого сообщества; 2) принадлежность участников к сетевому сообществу и его единство; 3) групповые социальные представления о сетевом сообществе; 4) противопоставление «мы – другие»; 5) психологическая готовность к совместной активности; 6) наличие общей цели; 7) проявление гражданского сознания участников сетевого сообщества. Каждый блок представлял собой определённый теоретический код, функционально и структурно раскрывающий определённый аспект субъектности сетевых сообществ. По некоторым признакам у экспертов возникли разногласия и сомнения в их приемлемости для оценки субъектности, что привело к сокращению исходного списка до 64.

2. Структура субъектности сетевых сообществ на основе анализа их дискурса

Шесть экспертов, занимающихся исследованием коллективных субъектов, участвовали в заключительной сессии по определению дискурсивных марке-

¹ Долин А. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/adolin3/posts/10217168128451538> (дата обращения: 15.02.2019).

² Прогрессоры [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/progressors>. (дата обращения: 03.02.2019).

³ Страдающее Средневековье [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/souffrantmittelalter> (дата обращения: 30.01.2019).

Рис. 1. Дендрограмма дискурсивных маркеров и выбранных кластеров.

I – первый уровень кластеризации; II – второй уровень кластеризации

ров субъектности для ознакомления с их содержанием и проявлениями в текстах сетевых сообществ. На следующем этапе они оценили каждый из 64 маркеров по различным шкалам, характеризующим субъектность различных социальных групп, составивших 3 блока: 1) характеристики большой социальной группы (взаимосвязанность, совместная активность, рефлексия жизни, взаимодействие с участниками других сообществ и пр.); 2) процессуальные характеристики коллективного субъекта деятельности (общее историческое прошлое сообщества, наличие общего языка, проявление социальной инициативы со стороны сообщества, наличие относительно устойчивой системы идей и взглядов и пр.); 3) характеристики полисубъектности (в виде дихотомий: сплочённость – разобщённость, открытость – закрытость, совместимость – несовместимость, конфликтность – бесконфликтность) [8, с. 142–153]. Оценка осуществлялась по 5-балльной шкале Лайкерта, описыва-

ющей, в какой степени дискурсивный маркер определяет конкретную характеристику субъектности. Таким образом, получилось 6 матриц (64 дискурсивных маркера $\times$ 55 характеристик субъектности). Для обобщения результатов шкалирования была проведена оценка согласованности мнений экспертов. Для каждой шкалы был посчитан коэффициент согласованности альфа Кронбаха α . Если α для 4 и более экспертов оказывался > 0.7 , результаты признавались согласованными, а данные экспертов, ухудшающих оценку согласованности, в дальнейшем не учитывались. По 9 характеристикам не удалось получить достаточную согласованность, и они были исключены из анализа. Согласованные данные были усреднены по экспертам и подвергнуты процедуре кластерного анализа (Hierarchical Cluster Analysis, способ измерения расстояния – Squared Euclidian distance, метода кластеризации – Between-groups linkage). На рис. 1 представлены дендрограмма и

Рис. 2. Компоненты субъектности сетевых сообществ

выбранный вариант разбиения на кластеры с учётом максимальной дистанции при объединении объектов в кластеры и ясности интерпретации при содержательном обобщении маркеров, входящих в кластер. Всего выделено 10 кластеров первого уровня и два – второго.

Содержательная интерпретация входящих в кластеры дискурсивных маркеров позволила выявить следующую структуру субъектности сетевых сообществ (рис. 2).

По сути, это реконструкция структуры имплицитных представлений о субъектности сетевых сообществ экспертов в области социальной психологии, изучающих свойства коллективных субъектов, включённых в разные формы сетевой активности и понимающих особенности дискурса, характерные для социальных медиа. Предложенные составляющие субъектности существенно отличаются от характеристик субъектности реаль-

ных социальных групп. По мнению А. Журавлева [8, с. 127–132], существуют три важнейшие характеристики социальной группы, являющиеся необходимыми и фактически критерийными в описании коллективного субъекта: 1) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе; 2) способность группы проявлять различные формы совместной активности, т. е. выступать, быть единым целым по отношению к другим социальным объектам или по отношению к себе самой; 3) способность группы к саморефлексии.

«Взаимосвязанность и взаимозависимость» как таковые не представлены в структуре субъектности сетевых сообществ. Это вполне объяснимо – добровольность участия в сетевых сообществах и технические возможности социальных сетей определяют взаимосвязанность и взаимозависимость членов сообщества. Однако они не гарантируют общности социальной

группы, что предопределяет социальные механизмы «защиты» сообщества от «чужих». В нашем случае путём обобщения дискурсивных маркеров было выделено 4 таких механизма. Языковая и понятийная идентификация предполагает идентификацию «своих» по языковым особенностям: общности языка и используемых метафор, по «парольным» словам, по сленгу и специальным терминам, характерным для данного сообщества. Идентификация своих предполагает и обозначение других, от которых следует дистанцироваться. Отстранение других предполагает их маркирование, дискредитацию, осуждение, оскорбление. Селекции других способствует трансляция образа сетевого сообщества. Если этот механизм оказывается неэффективным, участники сообщества вступают с «чужими» в спор, вводят запреты на их активность, проявляют по отношению к ним агрессию. Условно данный механизм был назван «защита сетевого сообщества».

Дискурс, посвящённый совместной деятельности, вполне сопоставим с такой характеристикой реальных коллективных субъектов, как способность группы проявлять различные формы совместной активности. В сетевом сообществе также сохранились «групповые нормы и ценности» и «способность группы к саморефлексии». Позитивная поддержка коммуникации – наиболее ярко представленный компонент субъектности сетевого сообщества – скорее всего, обусловлена техническими особенностями социальных сетей, изначально ориентированных на позитивную коммуникацию, нацеливающую участников сетевых сообществ на приобретение всё новых и новых

друзей, на комментарии в виде позитивных эмодзи, на одобрение постов лайками. Гражданская идентичность – характеристика, вполне применимая к большим социальным группам, вполне уместна и в дискурсе сетевого сообщества, поскольку его размер явно превышает размеры малой и средней социальной группы. Таким образом, структура имплицитных представлений о субъектности (общей субъектности) сетевых сообществ, оценённая с помощью дискурсивных маркеров, имеет 5 основных компонентов: 1) осуждение совместной деятельности; 2) позитивная поддержка коммуникации; 3) групповые нормы и ценности; 4) свои – чужие; 5) гражданская идентичность.

3. Оценка субъектности сетевых сообществ по разным моделям проявления дискурсивных маркеров в её компонентах

Тексты 6 сетевых сообществ («Синие ведёрки» FB, Политическое сообщество, Форум автовладельцев Ford, Сообщество с лидером, Групповой чат «Прогрессоры», «Страдающее Средневековье» VK), включающие по несколько постов в каждом и все комментарии к ним, были размечены 4 экспертами-психолингвистами по дискурсивным признакам субъектности. Субъектность сообществ рассчитывалась по 4 моделям: кумулятивно-аддитивной, кумулятивно-аддитивной с винзорированным усреднением, кумулятивно-аддитивной с усреднением Тьюки и простой аддитивной модели. Следуя аддитивно-кумулятивной модели (АКМ), были суммированы все обнаруженные в тексте сообщества маркеры в соответствии со структу-

Рис. 3. Общая субъектность, вычисленная по моделям АКМ, АКМ-Винзор, АКМ-Тьюки и АМ

рой субъектности. В кумулятивно-аддитивной модели с винзорированным усреднением (АКМ-Винзор) было осуществлено усечение 20 % наибольших и наименьших значений с последующей конволюцией среднего арифметического. В кумулятивно-аддитивной модели с усреднением Тьюки (АКМ-Тьюки) было осуществлено средневзвешенное усреднение, позволяющее уменьшить вклад значений, отстоящих от среднего достаточно далеко. Робастные модели (Винзор и Тьюки) были выбраны как мера снижения влияния артефактов, связанных с выбросами в данных, получаемых из социальных сетей, и не учитываемых в модели АКМ. Исходя из аддитивной модели (АМ), суммировались обнаруженные признаки в соответствии со структурой субъектности, при этом оценивалось только наличие или отсутствие признака в посте или комментарии. Для корректности сравнений выраженности общей субъектности

для показателей по разным сообществам и моделям было осуществлено z-преобразование данных со сдвигом отрицательных значений к 0. Общая субъектность, вычисленная по разным моделям, представлена на рис 3.

Была проведена оценка взаимосвязанности результатов, полученных по 4 моделям, между собой и с данными экспертной оценки субъектности, полученными группой социальных психологов, участвовавших в исследовании на предыдущем этапе. Значения общей субъектности различных сетевых сообществ и их ранг, полученный в ходе экспертной оценки субъектности, представлены в таблице 1.

Для оценки взаимосвязи между субъектностью, оценённой с помощью экспертной оценки, и субъектностью, полученной при использовании дискурсивных маркеров, был использован коэффициент тау-b Кендалла (табл. 2).

Экспертное мнение и оценка субъектности по дискурсивным марке-

Таблица 1.

Общая субъектность сетевого сообщества (значение после z-преобразования / ранг)

Сетевые сообщества	Модель АКМ	Модель АКМ Винзор	Модель АКМ Тьюки	Модель АКМ	Экспертная оценка
«Синие ведёрки» FB	3,14	2,95	2,89	2,97	1
	1	1	1	1	
Политическое сообщество politota.d3	1,03	1,79	1,48	1,82	2
	4	2	3	3	
Сообщество с лидером	1,64	1,14	0,64	0,92	3
	3	3	5	4	
Форум автовладельцев Ford	2,05	1,00	1,72	2,34	4
	2	4	2	2	
Групповой чат «Прогрессоры»	0,71	0,82	0,93	0,87	5
	5	5	4	5	
«Страдающее Средневековье» VK	0,10	0,10	0,10	0,10	6
	6	6	6	6	

Таблица 2.

Взаимосвязь уровня экспертных оценок и уровня субъектности в разных моделях (tau-b Кендалла, уровень значимости)

Модель	АКМ	АКМ-Винзор	АКМ-Тьюки	АКМ	Эксперты
АКМ	1,00	0,733*	0,60	0,867*	0,733*
АКМ-Винзор	0,733*	1,00	0,60	0,867*	1,000**
АКМ-Тьюки	0,60	0,60	1,00	0,47	0,60
АКМ	0,867*	0,867*	0,47	1,00	0,867*
Эксперты	0,733*	1,000**	0,60	0,867*	1,00

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

рам с применением аддитивно-кумулятивной модели с винзорированным усреднением полностью согласуются (по крайней мере, на уровне рангов, к которым апеллирует tau-b Кендалла). Винзорированное усреднение показало себя отличной робастной мерой [21, с. 254], позволившей избавиться от регулярных выбросов проявлений типичной лексики и других дискурсивных маркеров субъектности, характерных скорее для жанра отдельных сообществ и не связанных с проявлением субъектности этих сетевых сооб-

ществ. На втором месте по степени взаимосвязанности экспертной оценки и оценки по дискурсивным маркерам оказалась аддитивная модель, демонстрирующая большую значимость для уровня субъектности разнообразия её проявлений по сравнению с частотой проявлений маркеров. Несколько неожиданной оказалась низкая согласованность экспертной оценки и модели с усреднением по Тьюки, поскольку средневзвешенное усреднение также является робастным. Вероятно, характер весовой функции, умень-

Таблица 3.

Среднее расстояние между уровнями общей субъектности в разных моделях

АКМ	АКМ-Винзор	АКМ-Тьюки	АМ
11,038	2,956	0,870	0,569

Рис. 4. Сообщества в модели АМ

шающий вклад крайних значений на 50 %, оказался недостаточным, либо в целом пропорциональное изменение структуры данных является неэффективным способом для оценки субъектности сетевого сообщества по проявлениям дискурсивных маркеров.

Дискриминативность моделей была оценена через среднее расстояние (Squared Euclidian distance) между уровнями общей субъектности 6 сетевых сообществ в пространстве 5 её составляющих. Результаты представлены в таблице 3.

Поскольку от модели АКМ к АМ происходила последовательная редукция количества учитываемых маркеров, расстояние между сообществами уменьшалось от модели АКМ к АМ, однако «слипания» объектов не про-

исходило. Об этом можно судить по расположению объектов на плоскости первых наиболее дифференцирующих составляющих субъектности: «позитивная поддержка коммуникации» и «свои – чужие» (рис. 4 и рис. 5). Можно сказать, что все модели демонстрируют удовлетворительную дискриминативность, хотя при исследовании субъектности схожих сетевых сообществ предпочтение следует отдавать моделям АКМ и АКМ с винзорированным усреднением.

Поскольку модель субъектности на основе модели АКМ с винзорированным усреднением оказалась наиболее адекватной, оценка субъектности сетевых сообществ осуществлялась именно по ней. На рисунке 6 представлена гистограмма усреднённых значений

Рис. 5. Сообщества в модели АКМ

Рис. 6. Субъектность сетевых сообществ

субъектности 6 оцениваемых сетевых сообществ **по 5 основным составляющим**: 1) обсуждение совместной деятельности; 2) позитивная поддержка коммуникации; 3) групповые нормы и ценности; 4) свои – чужие; 5) гражданская идентичность.

Приоритет робастных моделей проявления дискурсивных маркеров по-

зволяет определённым образом относиться к субъектности сетевых сообществ и организации коммуникации в них. Буквально следуя за описанием моделей, можно сделать вывод, что на уровень субъектности существенным образом влияет разнообразие способов её проявления по сравнению с количеством повторений

одних и тех же способов инициирования активности и субъектности. Важно разнообразно поддерживать коммуникацию, а не буквально настаивать на своём, важно по-разному призывать к действиям, а не многократно просить оказать, например, материальную помощь. Для повышения субъектности важно всеми возможными способами поддерживать своих и по разным основаниям «отстранять других». В свете приоритета робастных моделей повторение одних и тех же лозунгов скорее снижает субъектность, а не мотивирует. Не менее важным оказывается и размер постов и комментариев: робастность моделей предопределяет равное влияние на субъектность сетевого сообщества как длинных постов и комментариев, так и коротких.

Согласованность оценки субъектности сетевых сообществ по её «внешним» проявлениям на основе экспертных оценок (оценка офф- и онлайн-акции, коллективного купинга, декларации ценностей сообщества и обсуждения правил коммуникации в нём и др.) и субъектности, определённой по дискурсивным признакам, позволяет говорить о достоверности описанного подхода к изучению субъектности и обоснованности выбранной структуры субъектности. Составляющие субъектности сетевых сообществ лишь частично совпадают с характеристиками субъектности реальных социальных групп и раскрывают новое содержание коммуникативной активности в сетевых сообществах: перманентное поддержание коммуникации, маркирование «чужих» и их отстранение, идентификацию и поддержку «своих». Следует от-

метить специфическую «гражданскую идентичность» в исследуемых сетевых сообществах. Гражданская идентичность проявляется в оппозиционности активных членов этих сообществ и осуждении формально существующих в обществе норм: фиксация и обсуждение нарушений, допущенных представителями властных структур в сфере дорожного движения (характерно для сообщества «синие ведёрки»), и тяжёлых условий существования «простых людей» в современной России (сообщество «Страдающее Средневековье»). Оппозиционность политического сообщества оказалась выраженной в меньшей степени, чем ожидалось экспертами, видимо, вследствие декларации собственной оппозиции и перемещения фокуса коммуникационной активности на организацию помощи «пострадавшим».

Выводы

В дискурсе сетевых сообществ проявляются различные формы их субъектности. Разметка текста в соответствии с выделенными дискурсивными маркерами позволяет адекватно оценить субъектность сетевых сообществ. Структура субъектности сетевых сообществ частично (по некоторым компонентам) аналогична структуре субъектности реальных социальных групп: в дискурсе представлено обсуждение совместной деятельности, групповые нормы и ценности, проблемы гражданской идентичности. Выявлена специфика субъектности сетевых сообществ, проявляющаяся в позитивной поддержке коммуникации внутри сообщества, идентификации и поддержке «своих» и отстранении «других». Выявлен приоритет робастных

моделей проявления дискурсивных маркеров в субъектности сетевых сообществ. Для исследованных сетевых сообществ наиболее адекватной представляется аддитивно-кумулятивная модель с винзорированным усредне-

нием, она полностью согласуется с экспертной оценкой субъектности по внешним критериям.

*Статья поступила
в редакцию 01.08.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-00-00606 (18-00-00605) «Субъектность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве интернета».

ACKNOWLEDGMENTS

The publication was prepared within the scientific project RFBR № 18-00-00606 (18-00-00605) "Subjectivity of network communities in the discursive space of the Internet".

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1980. 230 с.
2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2009. 320 с.
3. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994. 109 с.
4. Вачков И. В. Полисубъектный подход к педагогическому взаимодействию // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 16–29.
5. Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж, 2013. 396 с.
6. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. 344 с.
7. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 308 с.
8. Журавлев А. Л. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2018. С. 116–161.
9. Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М., 2000. С. 133–150.
10. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М., 2000. 384 с.
11. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. 288 с.
12. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 2005. 396 с.
13. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 445 с.
14. Павлова Н. Д. Интерактивный аспект дискурса: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 66–76.
15. Павлова Н. Д., Журавлев А. Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М., 2007. С. 6–11.
16. Рубцов В. В. Организация и развитие совместных действий у детей в процессе обучения. М., 1987. 160 с.

17. Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А. Социальная психология: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 336 с.
18. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века: научное издание. Воронеж, 2004. 93 с.
19. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М., 2006. 136 с.
20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
21. Шуленин В. П. Математическая статистика Ч. 3. Робастная статистика: учебник. Томск, 2012. 520 с.
22. Anderson A. A., Brossard D., Scheufele D. A., Xenos M. A., Ladwig P. The “nasty effect”. Online incivility and risk perceptions of emerging technologies // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. Vol. 19. № 3. P. 373–387.
23. Cappella J. N., Price V., Nir L. Argument repertoire as a reliable and valid measure of opinion quality: Electronic dialogue during campaign 2000 // *Political Communication*. 2002. Vol. 19. № 1. P. 73–93.
24. Edwards D., Potter J. *Discursive psychology*. London: Sage, 1992. 412 p.
25. Fishkin J. S., Luskin R. C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion // *Acta Political*. 2005. Vol. 40. P. 284–298.
26. Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory*. Chicago: Aldine, Chicago 1967, 271 p.
27. Glaser B. *Theoretical sensitivity*. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978. 256 p.
28. Halpern D., Gibbs J. Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression // *Computers in Human Behavior*. 2013. № 29 (3). P. 1159–1168.
29. Harre R., Gillet G. *Discursive mind*. London: Sage, 1994. 192 p.
30. *Discursive Psychology in Practice* / ed. R. Harre, P. Stearns. London, 1995, 120 p.
31. Heirman W., Angelopoulos S., Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S. and Walrave M. Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2015. Vol. 20. Iss. 3. P. 260–277
32. Hogg M. A., Reid S. A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms // *Communication Theory*. 2006. № 16 (1). P. 7–30.
33. O’Sullivan P. B., Flanagan A. J. Reconceptualizing ‘flaming’ and other problematic messages // *New Media & Society*. 2003. Vol. 5. № 1. P. 69–94.
34. Postmes T., Spears R., Lea M. Breaching or building social boundaries? SIDE-effects of computer-mediated communication // *Communication Research*. 1998. № 25 (6). P. 689–715.
35. Potter J. *Discursive psychology and the study of Naturally occurring Talk* // *Qualitative Research* / ed. D. Silverman. London: Sage, 2011. P. 187–207.
36. Potter J., Whetherel M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*. London: Sage, 1987. 348 p.
37. Ruiz C, Domingo D., Micy J. L., Dnaz Noci J., Meso K., Masip P. The democratic qualities of citizen debates in online newspapers // *The International Journal of Press / Politics*. 2011. Vol. 16. № 4. P. 463–487.
38. Santana A. D. Virtuous or vitriolic: The effect of anonymity on civility in online newspaper reader comment boards // *Journalism Practice*. 2014. № 8 (1). P. 18–33.
39. Soffer O. The Internet and National Solidarity: A Theoretical Analysis // *Communication Theory*. 2013. Vol 23. Iss. 1. P. 48–66.

40. Spears R., Lea M., Postmes T., Wolbert A. A SIDE look at computer-mediated interaction: Power and the gender divide // Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology / ed. Z. Birchmeier, B. Dietz-Uhler, G. Stasser. New York, 2011. P. 16–39.
41. Stroud N. J., Scacco J. M., Muddyiman A., Curry A. L. Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites Journal of Computer-Mediated Communication [Электронный ресурс]. [2015]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/jcc4.12104> (дата обращения: 29.06.2019).
42. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2009, 200 p.

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. *Izbrannyye psikhologicheskie Trudy. T. 1* [Selected psychological works. Vol. 1]. Moscow, 1980. 230 p.
2. Borisova I. N. *Russkii razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. Moscow, 2009. 320 p.
3. Brushlinsky A. V. *Problemy psikhologii sub'yekta* [Problems of psychology of the subject]. Moscow, 1994. 109 p.
4. Vachkov I. V. [Poly-subject approach to instructional interaction]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2007, no. 3, pp. 16–29.
5. Gaidar K. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya gruppovogo sub'yekta* [The socio-psychological concept of group subject]. Voronezh, 2013. 396 p.
6. Deyk T. A. won. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of domination in language and communication]. Moscow, 2013. 344 p.
7. Deyk T. A. won. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow, 1989. 308 p.
8. Zhuravlev A. L. [Collective subject as a phenomenon and concept in modern psychology]. In: Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., eds. *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii* [The concepts of modern psychology]. Moscow, 2018, pp. 116–161.
9. Zhuravlev A. L. [Psychological characteristics of the collective subject]. In: Brushlinsky A. V., Volovikova M. I., Druzhinin V. N., eds. *Problema sub'yekta v psikhologicheskoi nauke* [The problem of subject in psychological science]. Moscow, 2000, pp. 133–150.
10. Zimnyaya I. A. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational psychology]. Moscow, 2000. 384 p.
11. ssers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2008. 288 p.
12. Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichei: kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [The speech of the Muscovites: communicative and cultural aspect]. Moscow, 2005. 396 p.
13. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, 1984. 445 p.
14. Pavlova N. D. [The interactive aspect of discourse: approaches to the study]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2005, vol. 26. no. 4, pp. 66–76.
15. Pavlova N. D., Zhuravlev A. L. [The interdisciplinary perspective of discourse]. In: *Situatsionnaya i lichnostnaya determinatsiya diskursa* [Situational and personal determination of discourse]. Moscow, 2007, pp. 6–11.
16. Rubtsov V. V. *Organizatsiya i razvitie sovmestnykh deistvii u detei v protsesse obucheniya* [Organization and development of children's joint actions in the learning process]. Moscow, 1987. 160 p.

17. Sosnin V. A., Zhuravlev A. L., Krasnikov M. A. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, 2011. 336 p.
18. Sternin I. A. *Obshchestvennye protsessy i razvitie sovremennogo russkogo yazyka. Ocherk izmenenii v russkom yazyke kontsa XX veka* [Social processes and the development of the modern Russian language. Essay on the changes in the Russian language of the late twentieth century]. Voronezh, 2004. 93 p.
19. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya* [The discourse of power and the power of discourse. The impact of voice problems]. Moscow, 2006. 136 p.
20. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004. 326 p.
21. Shulenin V. P. *Matematicheskaya statistika. Ch. 3. Robastnaya statistika* [Mathematical statistics. P. 3. Robust statistics]. Tomsk, 2012. 520 p.
22. Anderson A. A., Brossard D., Scheufele D. A., Xenos M. A., Ladwig P. The "nasty effect". Online incivility and risk perceptions of emerging technologies. In: *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2014, vol. 19, no. 3, pp. 373–387.
23. Cappella J. N., Price V., Nir L. Argument repertoire as a reliable and valid measure of opinion quality: Electronic dialogue during campaign 2000. In: *Political Communication*, 2002, vol. 19, no. 1, pp. 73–93.
24. Edwards D., Potter J. *Discursive psychology*. London, 1992. 412 p.
25. Fishkin J. S., Luskin R. C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion. In: *Acta Political*, 2005, vol. 40, pp. 284–298.
26. Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory*. Chicago, 1967. 271 p.
27. Glaser B. *Theoretical sensitivity*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 1978. 256 p.
28. Halpern D., Gibbs J. Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression. In: *Computers in Human Behavior*, 2013, no. 29 (3), pp. 1159–1168.
29. Harre R., Gillet G. *Discursive mind*. London, 1994. 192 p.
30. Harre R., Stearns P. eds. *Discursive Psychology in Practice*. London, 1995. 120 p.
31. Heirman W. et al. Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach. In: *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2015, vol. 20, iss. 3, pp. 260–277.
32. Hogg M. A., Reid S. A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms. In: *Communication Theory*, 2006, no 16 (1), pp. 7–30.
33. O'Sullivan P. B., Flanagan A. J. Reconceptualizing 'flaming' and other problematic messages. In: *New Media & Society*, 2003, vol. 5, no. 1, pp. 69–94.
34. Postmes T., Spears R., Lea M. Breaching or building social boundaries? SIDE-effects of computer-mediated communication. In: *Communication Research*, 1998, no. 25 (6), pp. 689–715.
35. Potter J. Discursive psychology and the study of Naturally occurring Talk. In: Silverman D., ed. *Qualitative Research*. London, Sage, 2011, pp. 187–207.
36. Potter J., Whetherel M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*. London, 1987. 348 p.
37. Ruiz C., Domingo D., Micy J. L., Dñaz Noci J., Meso K., Masip P. The democratic qualities of citizen debates in online newspapers. In: *The International Journal of Press / Politics*, 2011, vol. 16, no. 4, pp. 463–487.
38. Santana A. D. Virtuous or vitriolic: The effect of anonymity on civility in online newspaper reader comment boards. In: *Journalism Practice*, 2014, no. 8 (1), pp. 18–33.

39. Soffer O. The Internet and National Solidarity: A Theoretical Analysis. In: *Communication Theory*, 2013, vol. 23, iss. 1, pp. 48–66.
40. Spears R., Lea M., Postmes T., Wolbert A. A SIDE look at computer-mediated interaction: Power and the gender divide. In: Birchmeier Z., Dietz-Uhler B., Stasser G., eds. *Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology*. New York, 2011, pp. 16–39.
41. Stroud N. J., Scacco J. M., Muddyiman A., Curry A. L. Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites. In: *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2015. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/jcc4.12104> (accessed: 29.05.2019).
42. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. London, 2009. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронин Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: voroninan@bk.ru;

Гребенищикова Таисия Александровна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: gretiya@mail.ru;

Кубрак Тина Анатольевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com;

Павлова Наталия Дмитриевна – доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly N. Voronin – Doctor of Psychological sciences, professor, Chief Researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;
e-mail: voroninan@bk.ru

Taisiya A. Grebenshikova – PhD in Psychological sciences, senior researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: gretiya@mail.ru

Tina A. Kubrak – PhD in Psychological sciences, researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Natalya D. Pavlova – Doctor of Psychological sciences, Head of the Laboratory of psychology of speech and psycholinguistics, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Субъектность сетевого сообщества: сравнение психометрических моделей проявления дискурсивных маркеров в контенте / А. Н. Воронин, Т. А. Гребенщикова, Т. А. Кубрак, Н. Д. Павлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 6–24.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-6-24

FOR CITATION

Voronin A. N., Grebenshikova T. A., Kubrak T. A., Pavlova N. D. The subjectness of the network community: a comparison of psychometric models of the discursive markers manifestation in content. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 6–24.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-6-24